

УДК 94(497.1)“1945/1966”

СВОДКИ ЮГОСЛАВСКИХ СПЕЦСЛУЖБ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Автор анализирует обходные пути поиска информационных сводок государственной безопасности Югославии, потому что архивы спецслужб недоступны зарубежным исследователям. Способы сбора и обработки информации позволяют сделать выводы, что сводки югославских спецслужб не обладают высоким информативным характером, но для периода 1950-х гг. они почти незаменимы. Автор изучил принципы рассылки этих сводок и особенности хранения документации в спецслужбах Югославии. На этом основании можно определить круг югославских политиков, в фондах которых могли отложиться информационные сводки. Тем самым несербские историки получают ориентир для поиска соответствующих источников в открытых архивах.

Ключевые слова: Югославия, исторические источники, архивы, спецслужбы, информационные сводки.

Деятельность Управления государственной безопасности Югославии давно привлекает внимание историков. Это ведомство было создано после второй мировой войны, с начала 1950-х гг. входило в систему органов внутренних дел, в 1963 г. было переименовано в Службу государственной безопасности, а в 1966 г. подверглось коренной реорганизации. По югославской традиции эту службу сокращенно называют УДБой. Ее документы длительное время были полностью закрыты для исследователей. В начале нынешнего столетия их наконец передали с ведомственного хранения в обычный архив, которым, вопреки логике, стал не Архив Югославии, а Архив Сербии. К 2009 г. сербские историки получили к ним доступ, но иностранцам такая возможность до сих пор не предоставлена. Поэтому все зарубежные специалисты по истории Югославии вынуждены искать обходные пути, чтобы получить информацию из данных источников, особенно это относится к периоду до 1966 г. В этой связи возникает два вопроса, чего можно ожидать от документов госбезопасности в содержательном плане и где их можно искать за пределами соответствующего фонда Архива Сербии. По данным сербских историков УДБа в основном вела досье, готовила справки и сводки, куда входили разнообразные отчеты и обзоры [2, с. 74–75]. Собранные автором сведения источниковедческого характера позволяют ответить на вопросы «что и где» применительно к информационным сводкам.

Эти источники обладают для исследователя особой ценностью. Вплоть до середины 1960-х гг. в Югославии не было социологических служб, которые изучали общественное мнение, и важнейшим источником обобщенных данных по настроениям масс выступали сводки госбезопасности. В этой связи сотрудник

госбезопасности Э.Брайник, проработавший с 1951 по 1965 г. заместителем секретаря внутренних дел Югославии, отмечал в письме, направленном на имя президента Тито: «Государственная безопасность годами выступала как почти единственная служба, которая организовывала сбор в первую очередь политической информации о комментариях и реагировании граждан на различные события, предпринимавшиеся меры, проводившуюся политику... и об этом информировала политическое и государственное руководство» [4, s. 105]. Брайник утверждает, что получив задание изучить реакцию общественности на ход VIII съезда Союза коммунистов Югославии в декабре 1964 г., предложил Центральному комитету провести социологическое анкетирование, однако к его мнению не прислушались и предпочли действовать по старинке [4, s. 487–488]. Таким образом, отчеты и обзоры УДБы при изучении истории Югославии до 1966 г. крайне важны для исследователя. Данные этих источников могут быть отчасти компенсированы только информацией, собранной руководящими партийными органами. При этом нужно учитывать, что с ноября 1951 по сентябрь 1959 г. регулярные информационные обзоры партийные органы не составляли. Материалы готовились от случая к случаю по отдельным вопросам, их обработка не носила системного характера. Поэтому для 1950-х гг. ценность материалов УДБы особенно велика.

Сводки госбезопасности могли затрагивать самые разнообразные вопросы. Например, с 1950-х гг. в УДБ существовало подразделение по отслеживанию так называемых антисоциалистических проявлений среди работников культуры и искусства. В частности, известно об анализе настроений хорватских и словенских писателей. В Сербии УДБа собрала 115-116 досье на сомнительных деятелей культуры. Органы также собирали сведения о состоянии дел в различных общественных сферах и настрое общественного мнения. Например, хорватская УДБа составила отчет об инвестициях в одном из агропромышленных комбинатов. В середине 1960-х гг. спецслужбы издавали бюллетень с оценками различных руководящих кадров, включая республиканских партийных руководителей и т. д. Как отмечал в 1966 г. многолетний куратор спецслужб А.Ранкович, «партийные форумы и государственные органы требовали и всё еще очень часто требуют от государственной безопасности проверки данных об отдельных членах партии, низших государственных функционерах и служащих». Иногда поступала информация о поведении отдельных высокопоставленных партийных деятелей (Д.Маркович, М.Милькович, М.Куфрин, Ё.Капичич, Ё.Видмар и др.) [2, с. 75; 4, s. 67–68, 213, 301, 334, 836; 5, s. 298].

Как госбезопасность составляла свои сводки? Когда в июле 1966 г. прошел Брионский пленум ЦК СКЮ, направленный на отстранение от власти Александра Ранковича и реформирование органов госбезопасности, была создана специальная партийная комиссия для выявления их злоупотреблений и установления политической ответственности Ранковича. Благодаря этим событиям в источниках партийного происхождения отразилось немало данных о способе сбора, обработки информации в УДБ и степени надежности получаемых таким путем результатов. О.Карабегович так охарактеризовал ее метод сбора данных: «...Система работы

УДБы была собирать информацию из каждого села и фабрики и готовить анализ в Секретариате внутренних дел», осуществляя ее отбор [4, s. 451]. Э.Брайник в вышеупомянутом письме заявил, что УДБа многие из своих данных получала из негативных кругов, а также из некомпетентных источников, поэтому они получались односторонними. Затем на основе отдельно подобранных случаев и даже сплетен строились обобщения. Эти обобщения опирались на случайные данные, научные методы анкетирования не применялись. При этом УДБа была корпоративно замкнута и изолирована от общества и плохо понимала, что в нем происходит, поэтому ее оценки получались неадекватными. Партийная комиссия поддержала эти утверждения, добавив к ним только, что факты подбирались в соответствии с изначальной оценкой составителя, тем самым информация искажалась [4, s. 105, 209]. Многие функционеры утверждали, что УДБа работала на уровне сбора слухов.

В распоряжении историков есть более подробные сведения, как проводился анализ накопленных фактических данных. Перед VIII съездом СКЮ С.Стефанович, длительное время возглавлявший спецслужбы официально и сохранивший над ними неофициальный контроль даже после ухода с должности союзного секретаря внутренних дел, разослал письмо всем председателям комитетов внутренней политики в республиканских правительствах, чтобы они прислали отчеты, как партийные и государственные органы воплощали в жизнь установки письма Исполкома ЦК СКЮ, написанного в апреле 1962 г. Аналогичное требование было спущено в армию. Соответствующий документ был опубликован и позволяет сделать определенные выводы. Он содержит четкие инструкции по составлению отчета. Отчет должен был охватить период с 1 января 1963 по 30 августа 1964 г. На основе письма Исполкома ЦК СКЮ было выделено девять групп негативных явлений и недостатков, их предлагалось взять за основу при классификации фактов. Помимо данных, накопленных в секретариатах внутренних дел, куда организационно входили органы госбезопасности, предлагалось привлечь данные прокуратуры и различных инспекций. Кроме систематизации фактов предлагалось также провести определенный анализ. Прежде всего, нужно было выявить персональную ответственность членов СКЮ и беспартийных за наблюдаемые негативные явления. Затем подготовить ответы по следующим пунктам: «1. Факторы, которые преимущественно обуславливают общественно-негативные явления и поведение. 2. Кто носители этих явлений, из какой среды происходят, чем руководствуются, их положение в обществе, являются ли членами СКЮ и т. п. 3. Как на эти явления реагируют политические и государственные органы и организации, какие меры предпринимают против носителей этих явлений, каким образом и как завершаются случаи, чьими носителями являются члены СКЮ, отдельные функционеры и т. п. 4. Каким образом и как реагирует общественность на эти явления, чего требует и предлагает и как комментирует принятие соответствующих мер или же непринятие мер против этих явлений. 5. Происходят ли и в каких случаях носители этих явлений из враждебной среды (остатки свергнутой буржуазии, клер, эмиграция и т. п.), или же каким образом, как и в какой

мере они используют эти явления для своей враждебной деятельности против нашей общественно-политической системы. 6. Твоя [так в тексте, Стефанович обращается к республиканским начальникам на ты – Ю. Ш.] оценка о том, какой размах приняли эти явления, насколько они имели и какие последствия имеют для нашей общественно-политической и экономической жизни. 7. Что, на твой взгляд, было бы нужно и как наиболее целесообразно предпринять и каким образом в плане искоренения причин и уменьшения последствий этих явлений» [4, s. 309]. Как видим, здесь присутствует попытка анализа и систематизации фактического материала по единой схеме, а для придания материалу большей объективности предписано привлечь данные других ведомств.

Оценки информативности отчетов УДБы сходятся у самых различных авторов, которых трудно заподозрить в сговоре. На Брионском пленуме А.Ранкович заявил, что к отчетам УДБы всегда относился с осторожностью, указал на их поверхностность и склонность собирать слухи с базара. «Я думаю, что многие сводки, кроме оперативных, могут служить только для ориентации, а никак не для неких твердых политических выводов», – подвел он итог [4, s. 214]. Можно возразить, что Ранкович защищался от нападок и поэтому занижал качество информационной работы спецслужб, чтобы уйти от дополнительных обвинений. Однако есть независимые свидетельства, которые подтверждают эту оценку. В частности, словенский политик С.Кавчич, который до 1958 г. отвечал в правительстве Словении за внутреннюю политику, получал сводки спецслужб по должности и написал в своих воспоминаниях, какое впечатление они на него производили. По словам Кавчича, они состояли из набора подслушанных критических высказываний [5, s. 297]. Еще до знакомства с материалами Брионского пленума и дневником Кавчича, автор данной статьи смог изучить отчет УДБы о положении дел в Югославии на фоне венгерского восстания 1956 г. [3]. Документ произвел на меня аналогичное впечатление. Обзор состоит в основном из комментариев различных бывших противников режима, за которыми наблюдала УДБа. Как враждебные рассматривались любые их высказывания, которые не соответствовали официальным установкам правительства в текущей ситуации. Материал по своему духу пропитан шпиономанией и едва ли может быть целостным отражением реальной картины. Некоторые из источников такого типа были опубликованы и позволяют читателю составить самостоятельное представление об их достоинствах и недостатках [1]. Вышеизложенные соображения дают основания для вывода: не стоит ожидать от сводок госбезопасности слишком много. Там могут содержаться ценные факты, но помещенные в море второстепенных и даже сомнительных сведений.

Ответив на вопрос что, перейдем к вопросу где. Для этого разберемся, кто получал сводки УДБы за пределами ведомства. Партийная комиссия, которая занималась работой спецслужб в связи с Брионским пленумом, собрала по этому поводу любопытные сведения. Прежде всего, согласно показаниям бывшего секретаря внутренних дел Югославии С.Стефановича УДБа сама определяла, кому из руководителей она рассылает свои материалы и в каком объеме. Об этом же

свидетельствует Э.Брайник и другие лица. Как пояснил Стефанович, спецслужбы исходили из собственной оценки, кому и что может быть полезно [4, s. 156, 321]. При этом оценки разных начальников могли не совпадать. Во время VIII съезда СКЮ УДБа подготовила бюллетень о реакции народа на ход работы высшего партийного форума. Его распространили только среди 120 делегатов, которые были членами Исполкома ЦК СКЮ, республиканскими политическими и организационными секретарями, председателями правительств, председателями Социалистического союза. А.Ранкович и С.Стефанович оказались этим недовольны, полагая, что круг рассылки был определен слишком широко [4, s. 487-488].

Соображения УДБы по кругу получателей сводок не всегда были очевидны. Например, В. Стойнич, возглавлявший кадровую комиссию ЦК СКЮ с 1962 г., не получал данных УДБы, хотя, как выше упоминалось, управление регулярно готовило кадровые справки. М. Тодорович получал справки, касающиеся внешнеторговых вопросов, а С. Крайгера, хотя он был связан с внешней торговлей, данными не снабжали [4, s. 274, 486].

Иногда УДБа исключала из рассылки руководителей, которые допустили утечку секретной информации. Так произошло с союзным секретарем иностранных дел К.Поповичем. Обстоятельства утечки различные работники УДБы поясняли по-разному. Согласно одной версии, у Поповича оказались ненадежные люди в окружении, по другой – он сам что-то разгласил иностранцам по неосторожности [4, s. 303, 684, 694-695].

В Югославии существовал узкий круг лиц, которые получали сводки УДБы на регулярной основе. Им поступал одинаковый набор материалов. Так в середине 1960-х гг. союзный секретарь внутренних дел рассылал особо секретные материалы президенту Югославии и генеральному секретарю ЦК Й. Броз-Тито, председателю парламента Э.Карделю, председателю правительства П. Стамболичу и бывшему руководителю спецслужб С.Стефановичу, который фактически продолжал их курировать. Интересно, что вице-президенту Ранковичу секретные материалы как правило не рассылались напрямую, он получал их через Стефановича [4, s. 301, 302, 321]. Примерно таков же был круг получателей информационных обзоров от службы прослушки, которая тайно записывала чужие разговоры, ориентируясь, в первую очередь, на работу с иностранцами. Ее данные поступали Тито, Карделю, Стамболичу, Стефановичу, М.Тодоровичу (заместителю председателя парламента). Ранковичу напрямую тоже ничего не направляли. Интересно, что некоторые обзоры направлялись только Стефановичу [4, s. 694–695]. С соответствующими поправками можно полагать, что таким же был круг обязательной рассылки на республиканском уровне (в частности, в республиках не было должностей президента и вице-президента).

По идее, секретные документы должны были возвращаться в УДБу. Об этом свидетельствует рассказ П.Стамболича, относящийся к 1962 г., когда он был председателем парламента и возглавлял идеологическую комиссию ЦК СКЮ: «Когда мы готовили кое-что здесь, в ЦК, для выступления, я вспомнил, что у Чечи [партийная кличка Стефановича – Ю.Ш.] есть один анализ 1959 г. о проявлениях

шовинизма. Я его попросил, *чтобы он мне его снова дал* [курсив наш – Ю. Ш.], а он мне отправил и за 1961 г. Это то, что там органы снимают, о чем говорит враг» [7, s. 100]. Однако в УДБе помимо основного ведомственного архива (VIII отделения) существовало несколько хранилищ в других структурных подразделениях. Отделения и управления и кабинеты высоких начальников задерживали у себя некоторые документы, по сути создавая собственные архивы. Данные прослушки поступали на хранение в IV управление XII отделения, хотя работники VIII отделения полагали, что они должны идти к ним. Аналогично обстояли дела с I и II управлениями, VI и XI отделениями. Это же касалось документов из кабинетов союзного секретаря внутренних дел, его различных помощников и заместителей, из кабинета Стефановича. При этом действующие сотрудники могли часть своей документации изымать из VIII отделения. Так, например, поступил помощник союзного секретаря Б.Дамнянович [4, s. 295, 686, 695]. С. Стефанович, когда перешел из союзного секретариата иностранных дел в Союзное исполнительное вече, забрал с собой значительную часть личного служебного архива. Когда в связи с Брионским пленумом началось расследование его деятельности, в сейфе его рабочего кабинета были обнаружены материалы суда по защите государства, который действовал еще в середине 1940-х гг. [4, s. 488, 521]. По состоянию на 1966 г. они уже представляли чисто исторический интерес, но Стефанович зачем-то хранил их у себя.

Несмотря на столь распыленную систему хранения нам не приходилось слышать о каких-нибудь громких провалах югославской госбезопасности, однако возможность для утечки информационных сводок из общей системы хранения документации спецслужб была вполне реальна. Накопленные на сегодняшний день данные уверенно свидетельствуют, что высокопоставленные руководители Югославии оставляли на хранении в своих кабинетах ценные материалы, в том числе и секретного характера, а порою даже тащили их домой. Например, в семье партийно-государственного деятеля С.Дороньского сохранился такой богатый архив партийных документов закрытого характера, что историки Р.Кончар и Д.Боаров сумели написать на этой основе обширное исследование о политической борьбе в Сербии 1950-х – 1970-х гг. [6]. В этой связи фонды выдающихся партийно-государственных деятелей Югославии являются вполне подходящим местом, где зарубежный историк может приобщиться к информационным обзорам, подготовленным югославской госбезопасностью. На сегодняшний день такие документы уже попадались исследователям в архивном наследии Э. Карделя, В.Бакарича и конечно же у Тито в фондах Архива Югославии «Кабинет маршала Югославии» и «Кабинет президента Югославии» (один из таких документов уже был упомянут выше). Однако для успеха архивной эвристики нужно учитывать, что все эти фонды остались после деятелей, которые ушли из политики без потрясений, в силу естественной смерти или почетного ухода на пенсию. В фондах, оставшихся от деятелей, чья политическая карьера была оборвана не по их воле, документы УДБы искать неперспективно, они могли быть изъяты при ревизии их документации. Например, дела из кабинета Стефановича были распределены по

другим фондам специально созданной в 1966 г. комиссией по упорядочиванию государственных архивов [4, s. 522, 527].

Подводя итог можно отметить, что возлагать слишком большие надежды на информационные обзоры югославских спецслужб не стоит – они расширяют наши фактические знания об общественных процессах в Югославии, но являются довольно односторонними и несовершенными. Они требуют обязательного сопоставления с другими источниками, в первую очередь партийного происхождения. Но в той мере, в какой источники партийного происхождения не позволяют выяснить те или иные вопросы, обращение к документам госбезопасности является необходимым. Чтобы не менять гражданство ради доступа к этим источникам, зарубежному исследователю нужно искать их в фондах выдающихся партийно-государственных деятелей Югославии, чья карьера не завершилась в результате политических конфликтов.

Список использованных источников и литературы

1. Бондић Д. Извештај УДБ-е о стању на факултетима Београдског универзитета и великих школа 1951. године // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2003. – №1-2. – С.172-188.
Bondžić D. Izveštaj UDB-e o stanju na fakultetima Beogradskog univerziteta i velikih škola 1951. godine // Arhiv. Časopis Arhiva Srbije i Crne Gore. – 2003. – №1-2. – С.172-188.
2. Цветковић С. Како је спалјено пет километара досијеа УДБ-е. Велика ревизија документације Службе државне безбедности после смене Александра Ранковића и Брионског пленума 1966. // Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе. – 2008. – № 1-2. – С.71-84.
Cvetković S. Kako je spaljeno pet kilometara dosijea UDB-e. Velika revizija dokumentacije Službe državne bezbednosti posle smene Aleksandra Rankovića i Brionskog plenuma 1966. // Arhiv. Časopis Arhiva Srbije i Crne Gore. – 2008. – №1-2. – С.71-84.
3. Arhiv Jugoslavije. – F. 837. Kabinet predsednika republike. – P. II-4-a/3: Informacija o neprijateljskim istupanjima i komentarima neprijateljskih i reakcionarnih elemenata povodom događaja u Mađarskoj i Egiptu. 16.XI.1956. – 10 s.
4. Četvrta sednica CK SKJ. Brionski plenum. (Stenografske beleške sa Četvrtog plenuma, materijali Izvršnog komiteta CK SKJ, izvod iz stenografskih beležaka Šeste sednice CK SK Srbije, reagovanja domaće i svetske javnosti, pisma, telegrami, izjave i dr.) / priredio J.P.Popović. – Beograd, 1999. – 957 s.
5. Kavčič S. Dnevnik in spomini (1972-1979). Prva knjiga // Časopis za kritiko znanosti. – 1988. – №109/110. – С.1-340.
6. Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine. – Novi Sad, 2011. – 879 s.
7. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M. Zečević. – Beograd, 1998. – 311 s.

Shakhin Y. V. Reports of the Yugoslav secret services as a historical source

The author analyzes workarounds for searching for Yugoslav state security information reports, because the archives of the special services are inaccessible to foreign researchers. The methods of collecting and processing information allow us to conclude that the reports of the Yugoslav special services do not have a high informative character but for the period of the 1950's they are almost irreplaceable. The author studied the principles of distributing these reports and the peculiarities of storing documents in the secret services of Yugoslavia. On this basis, it is possible to determine the circle of Yugoslav politicians in whose funds information reports could be deposited. Thus, non-Serbian historians receive a guideline for searching for relevant sources in open archives.

Keywords: Yugoslavia, historical sources, archives, secret services, information reports.